

Пролог ВЕСЕННИЙ СВЕТ

Белые цветы трепетали на ветру. Бьярма еще утопала в глубоких снегах, в лесах вендов только начинали темнеть проталины, а в столице Аратты уже разворачивались листья и бутоны. В саду Возвышенных Раздумий голые красноватые ветви медовника в одну ночь покрылись белыми соцветиями. От пьянящего аромата, разлитого в воздухе, кружилась голова. В нежном шелесте слышались отзвуки струн...

Аюр, отдохавший в увитой цветущими ветвями Весенней беседке, крепко зажмурился. Затем распахнул глаза и вновь уставился на лежащий у него на коленях поющий кораблик. В последнее время государь проводил с ним много времени — прямо сказать, таскал с собой повсюду, вызывая удивление царедворцев. «Нашел себе юный государь новую игрушку — бьярские гусельки», — шептались некоторые. Аюру передавали эти слова, но он не сердился. Он и сам не мог понять, почему трехструнный кораблик так запал ему в душу.

Аюр никогда не был особенным любителем музыки. Разумеется, в детстве, как всякого благородного ария, его помимо прочего обучили азам игры на читре. Вспомнив давние уроки, Аюр велел натянуть на ко-

раблик струны и даже подобрал несколько наигрышей к песням... Но это все было не то.

«Что за чепуха лезет в голову! Это просто гусли!»

Тонкие пальцы господаря забегали по струнам.

— Для слов любви нет времени. Оно
Несется прочь крупица за крупицей.
Но сердце нам для нежности дано —
Не для того, чтоб горем заходиться!
Лишь ласки просит шелк золотых волос...

Аюр перестал играть, ощущая странную робость — будто невольно совершил кощунство и не понимал, в чем оно заключается. Словно он — малый ребенок, который самонадеянно дергает струны гуслей знаменитого на всю страну певца. Может, дело в совершенстве кораблика? В этой невесомой, словно впитавшей солнечный свет древесине, на которой даже не видно годовых колец?

Аюр тряхнул головой, прогоняя грусть, заиграл и запел дальше:

— Целуй, пока уста еще красны!
Пока тепло не поглотила вьюга,
Пока он не шагнул за рубежи,
А грудь его не спрятала кольчуга...

Однако модная нынче в столице песня о любви, войне и разлуке звучала все так же неуместно и невесело...

«Может, в ней-то и дело, — подумал Аюр, вспомнив, чем закончилась попытка переселить его поданных подальше от потопа, в безопасное Десятиградие. — Сколько златовласых исчезло, и судьба их все еще темна... И сестра... Бедная сестра...»

Государь со вздохом отложил поющий кораблик.

«Он не для таких песен. Я искал божественное оружие против Змея Бездны, а вместо него Исварха даровал мне эти гусли. Ну и что мне с ними делать? Я, остановивший море, не могу разобраться с каким-то корабликом!»

Еще год назад Аюр просто с досадой выкинул бы гусли с глаз подальше и забыл о них. Но пережитое сильно изменило его. Аюр все еще бывал и высокомерным, и нетерпеливым, но внутри его как будто поселился наблюдатель — спокойный и строгий. «Не спеша с выводами, — подсказывал ему этот наблюдатель. — Не торопись, взглядишь, подумай». И Аюр учился вглядываться и не спешить — и мир начинал открываться ему новыми гранями...

Поэтому Аюр не приказал послать за танцовщицами, а продолжал думать.

«Кораблик найден в храме древних арьев... Вот бы узнать, какие песни играли на нем мои предки — первородные дети Солнца... Может, Светоч знает? Или Тулум? Наверняка в их огромных хранилищах найдутся свитки с самыми древними песнями... А может... Гимны Ясна-Веды?»

Пальцы Аюра вновь забегали по струнам. Он перебирал в памяти гимны Солнцу, множество которых знал наизусть. Но пока ни один не казался ему подходящим для исполнения здесь, среди первоцветов. Гимны Исвархе поют перед алтарем с неугасимым пламенем или воздевая руки навстречу восходящему светилу...

Аюр уныло взглянул на кораблик. Тот весело золотился, казался теплым и живым.

«Зачем ты нужен?» — молча спросил Аюр.

«А ты зачем?» — будто наяву ответил ему кораблик.

— Солнцецеликий, дозвожь беспокоить, — слышался за живыми стенами беседки голос невидимого слуги. — Пришел святейший Тулум!

Аюр обрадовался. Бесплодные размышления утомили его.

— Пусть святейший идет прямо сюда!

* * *

Верховный жрец Исвархи подошел к ступеням беседки и склонился в ритуальном поклоне.

— Приветствую, государь! Да озарит солнце твои следы...

— Здравствуй, дядя! Оставь церемонии, поднимайся, садись рядом со мной. Я прикажу подать угощение... — Аюр осекся, увидев выражение лица Тулума. — С чем ты пришел? Плохие вести?

— Даже не знаю, что тебе и сказать, Аюр... — Тулум бросил взгляд на два свитка, которые держал в руке. — Вести есть, и они... весьма необычны. И скверные, и странные. Обычно я не утомляю тебя повседневными докладами моих жрецов и осведомителей. По большей части они не стоят твоего внимания. Но, пожалуй, эти донесения тебе стоит услышать...

— Да не тьяни уже, дядя! — воскликнул Аюр, невольно подумав: «Интересно, сколько важных сведений прошло мимо меня? Чего я не знаю о происходящем в Аратте?»

— У меня здесь два письма из Бьярмы... Первое, — Тулум развернул свиток, — из Белазоры.

— От Светоча?

— Нет. Это письмо прислал мой осведомитель — молодой жрец из ближнего окружения Светоча.

— А! — Аюр хмыкнул. — У тебя есть осведомитель в Северном храме?

— Конечно, государь, и не один.

— Гм... А у Светоча в нашем храме тоже есть свои соглядатаи?

— Несомненно. Однако, возможно, они ему больше никогда не пригодятся.

Аюр нахмурился:

— Что-то стряслось со Светочем?

Тулум медленно склонил бритую голову.

— В Белазоре, как ты знаешь, этой зимой было неспокойно, — сказал он, разворачивая свиток. — Беспорядки вылились в голодный бунт переселенцев. Аршалай утверждал, будто подавил бунт. Он писал нам, что все закончилось благополучно, но, очевидно, ошибся. Или солгал намеренно... В конце зимы дела пошли так, что я, право, не знаю, что и сказать, кроме «это какое-то безумие»... Этим письмам уже больше месяца — и в них мы видим совсем иную картину, нежели из донесений Аршалая...

— Читай же!

Тулум пробежал глазами свиток.

— С твоего позволения, пропущу ритуальные формулы и титулы... «Святейший... Да озарит Исварха...» Доклад большой, буду пересказывать главное. Наводнение в Бьярме... Ты ведь помнишь, что Змеево море не замерзает? Так вот, в конце зимы оно словно задалось целью пожрать половину Бьярмы. Лед вздувался и лопался, реки выходили из берегов... Воды устремились в озеро Ярга. Оно переполнилось, теперь разлив грозит и Ратхе. Пока еще великая река лишь немного полноводней обычного. Срединные области Аратты не страдают — но Бьярма пропитана водой, как морская

губка... Все клянут Аршалаю — его недостроенный Великий Ров оказался совершенно бесполезен...

Аюр покосился на Тулума:

— А ведь это мы велели остановить строительство!

— Аршалай все равно не успел бы до весны. Слушай дальше, государь. «Люди Бьярмы взволнованы и раздражены. Сотням и тысячам пришлось покинуть свои дома, затопленные паводками. Беженцы и переселенцы со всей Бьярмы скапливаются в Белазоре, рассчитывая на милость главы великого храма...»

Тулум поднял голову:

— Понимаешь, чем это плохо?

— Чем же?

— Всем! Скопище беженцев, угроза голода, болезней, недовольство властями... А еще мой человек пишет, что среди беженцев ходят самые дикие слухи. И конечно, нашлись те, кто нарочно смущает людей.

— Даже так? — удивился Аюр. — Но кто, зачем? Киран мертв...

— Мертв.

— Но тогда кто?

Тулум скривился:

— Надеюсь, не тот, о ком я думаю. И это был обычный выплеск негодования оголодавших, потерявших дома людей. Однако, по моим сведениям, проклятый гусяр отправился из вендских земель как раз на север...

— А, тот смутьян-гусяр, который так тебя беспокоил зимой? Его ведь так и не поймали?

— Он намного больше, чем просто гусяр... А теперь — прежде чем читать до конца — покажу тебе второе письмо. Вернее, записку. Найдена в дупле,

устроенном нарочно для тайной жреческой переписки на бьярском тракте...

Тулум развернул полоску бересты и протянул Аюру.

— Ничего не понимаю, — фыркнул тот, изучая записку. — Какие-то каракули! И подписи нет...

— Подписи не нужно, — сказал верховный жрец. — Я отлично знаю руку Хасты.

Аюр аж подскочил на месте.

— Хаста?! Он же пропал!

— Так и есть.

— Ты говорил, что отправил его к Светочу с посланием... Так он нашелся?

— Нет. Нашлось лишь это письмо.

Тулум скользнул глазами по неровным строчкам:

— Судя по всему, Хаста очень торопился...

Аюр снова схватил полоску бересты и, не без усилия разбирая кривобокие буквы, прочитал:

«Арьев режут, чтобы остановить море. Северный храм исчез. Мы с Анилом уходим искать небесную лодку. Берегитесь Зарни Зьена!»

— И он еще нацарапал вот этот рисунок, — указал Тулум.

— Рисунок? — пробормотал государь в изумлении, глядя на пририсованный внизу письма проломленный череп, из которого рос цветок. — Что за ахиenea? «Берегитесь Зарни Зьена?» Но Зарни Зьен — это я!

— Гм... Боюсь, уже не ты.

— Прикажи Хасте вернуться и объяснить эту чепуху!

— Это письмо пролежало в дупле ползимы. Хаста пропал, и с ним Анил...

— А что значит — «Северный храм исчез»?

Тулум устремил задумчивый взгляд в пространство.

— С твоего позволения, я вернусь к докладу моего осведомителя. Он многое объясняет. Но не все.

Верховный жрец вновь развернул первый свиток.

— Итак, кто-то распустил отвратительный слух, что потоп колдовством устроили арьи. И теперь нарочно морят бьяров голодом. Люди поверили, начался бунт. Толпа разграбила богатые кварталы, попыталась прорваться в храм. Началась резня... Часть храмовой стражи перешла на сторону восставших... Мой осведомитель был среди приближенных Светоча, а потому успел скрыться за стенами храма... Мятежники устремились на приступ и сумели прорваться за первую стену... А вот концовку письма я тебе, пожалуй, прочитаю:

«...хвала Солнцу, что я не успел вбежать во внутренний храм! Когда, прячась от обезумевших бьяров, я укрылся под большой корзиной на хозяйственном дворе, то еще не понял, какую великую милость оказал мне Исварха! Ибо началось потом нечто, чего не вмещает рассудок. Белая башня дрогнула, и поднялся вокруг превеликий гром. Мятежники, решив, что идет новая большая волна, кинулись вон... Башня же в единый миг окуталась золотым сиянием, нестерпимым для взора. Затем Северный храм распахнул два лебединых крыла, воспарил и скрылся в небесных высях...»

— В смысле, Северный храм... воспарил?

Аюр взглянул на Тулума, неуверенно усмехнулся... Но верховный жрец не улыбнулся в ответ.

Часть 1

ПРОПАВШАЯ БАШНЯ

Глава 1

ЗАРНИ ОЧИЩАЕТ МИР

Три лесных бьяра стояли на перекрестке, там, где каменная главная улица переходила в настеленную по густой грязи гать, и глазели на Белазору.

Рослый детина-охотник, с мрачным лицом, в меховом плаще и низко надвинутой на глаза шапке, с копьем и огромным луком за спиной. Мальчик-подросток, опирающийся на посох. И щуплая остроносая женщина средних лет, с рыжими косами и быстрыми светлыми глазами.

Рослый охотник оказался в Белазоре впервые и теперь озирался в глубочайшем изумлении. Рыжекосой приходилось бывать тут прежде. А мальчик и вовсе тут вырос. Но и он не мог узнать знакомый город.

Все тут переменялось с осени. Вода после большой волны так и не ушла — низина при гавани осталась затоплена, из мутной воды поднимались стены и крыши. Впрочем, здешний народ не унывал и насиженное место явно бросать не собирался. На высоких берегах, по склонам окрестных сопок уже торчали острые крыши изб. На каменных подклетах, оставшихся от богатых домов, ставились новые — бревенчатые, крытые еловой дранкой и проконопаченные сухими водорослями. Повсюду истоптанный снег, грязища...

И жители новой Белазоры мало напоминали прежних. Сколько ни высматривай — не увидишь в толпе бьяров ни единой золотой головы. А ведь раньше здесь, у моря, жили сплошь арьи — вон до сих пор торчат из соленой трясины башенки и галереи их нарядных особняков...

— Исварха Всесветлый, что же тут случилось? — пробормотал детина, осеняя себя священным знаком. — Сам Змей Бездны на берег вылезал? Святое Солнце! Клянусь, не видал ничего подобного...

— Не Святое Солнце, а ясный Сол! — негромко перебила рыжая женщина, тревожно оглянувшись. — Сол! Или хотя бы Хул!

— Да хоть сам Храваш!

— Даже не могу сказать, что хуже: впустую поминать божество или призывать князя дивов составить тебе компанию в твоём изумлении! Прошу, потише, любезный Анил. Кого бы ты ни призывал, Исварху или Сола, по твоему столичному выговору сразу слышать знатного ария. А ваших тут, похоже, совсем не жалуют...

— Что бы я делал без твоих придинок, почтенный Хаства? — огрызнулся молодой царедворец, поправив мохнатую шапку.

— Лежал бы мертвый в придорожной канаве, причем еще где-нибудь на подходах к Белазоре. А еще вернее — болтался бы на березе. Вернее, на двух...

— У нас так не казнят, — фыркнул подросток. — Это все ваши арийские штучки.

— А вон там кто висит, друг мой Метта?

Хаства указал на торчащую в конце улицы лебедку. На ней покачивались двое повешенных, заботливо обмазанных смолой для сохранности. Длинные золо-

ЧАСТЬ 1. ПРОПАВШАЯ БАШНЯ

тистые волосы шевелил ветер. Над мертвецами с резкими криками вились чайки.

— Вот они, арьи! А я уж думал, их в Белазоре все не осталось...

Метта с любопытством уставился на казненных. Хаста заметил: мальчишка даже не вздрогнул. В последнее время Метта видел слишком много мертвецов и привык к ним. «Как ожесточились нравы, — с удивившей его самого печалью подумал Хаста. — То ли еще будет...»

— Мяса уже почти нет, — заявил подросток с видом знатока. — Все начисто склевали. Недели две висят. Представляю, что тут творилось в первые дни после казни. То-то было птичьего крику и драк...

Рослый охотник стиснул челюсти.

— Похоже, слухи о резне в Белазоре были правдивы... Остались ли выжившие? — пробормотал он. — Тут же были целые кварталы наших!

— Боюсь, что нет, — скривился Хаста. — Думаю, нас ждут находки и похуже. В любом случае, Анил, надвинь шапку поглубже на лоб. Если в тебе опознают ария — мы ничего не сможем сделать...

Негромко беседуя, троица продолжала спускаться, держа путь полузатопленной улицей в сторону бывшей гавани. Быстрый взгляд Хасты скользил по преобразенной Белазоре. Он наконец понял, что его так смущало. Где главная башня Северного храма? Лишь синева моря мелькает среди развалин... Может, башню закрывают дома? Или вздорные сплетни все же были правдивы?

Внезапно на скулах жреца проступили желваки.

У края дороги на каменном парапете рядком стояло около десятка черепов. Судя по уцелевшим золо-

тистым прядям, они тоже принадлежали ранее казненным ариям. У каждого черепа было проломлено темя. Из каждой дыры тянулся к небу нежный белый первоцвет.

— Это что еще за садовые украшения? — пробормотал Хаста. — Мне это очень не нравится!

Анил расслышал дрожь в голосе жреца и съязвил:

— А ты бы предпочел увидеть арьев на кольях?

— Возможно, да, — буркнул Хаста. — С кольями обычно все ясно... А в этих цветочных горшках заложен какой-то смысл, и я не понимаю его. А меня очень настораживает то, чего я не могу понять... Метта, не знаешь, зачем из черепов растут цветы? Может, у бяров это что-то означает?

— Понятия не имею... О, вот и мой бывший дом! — Метта указал на торчащую из воды стену с кольцами и стрелой на фасаде. — Ой... А где же...

Хаста и Анил уставились туда, куда вела бревенчатая гать. Спускаясь на набережную, она переходила в плавучие мостки, подводившие к Северному храму. Вернее, к тому, что от него осталось.

Храм, как и все прочее, изменился до неузнаваемости. Сам остров остался на месте, как и внешние стены. Над ними поднимались крыши гостиницы для паломников и хозяйственных построек. У распахнутых ворот толпились вооруженные люди — судя по всему, храмовая стража... Но где же сам храм? Где его средоточие — белая башня, чей острый купол рвался к облакам, розовея навстречу восходящему солнцу?

— Сплетни-то не ввали, — пробормотал Хаста, чувствуя, как мурашки бегают по коже. — Храм исчез!

— Может, в море обрушился? — предположил Анил. — Во время осад и не такое бывает. А тут не кре-

ЧАСТЬ 1. ПРОПАВШАЯ БАШНЯ

пость какая — храм господи Исвархи! Помню, святейший Тулум раз на храмовом празднике вызвал гром и молнию прямо из большого бронзового горшка...

— Хм... — задумался рыжий жрец. — Здесь тоже болтали о слепящей вспышке, страшном грохоте, землетрясении...

У Анилы загорелись глаза:

— Надо пойти туда и осмотреть место!

— Надо бы... — Хаста огляделся. — Если нас туда пустят.

Путешественники один за другим пробрались по мосткам над ржаво-мертвой соленой трясинной бывшей гавани и вскоре вышли к воротам храма. Вход охраняли с полдюжины скучающих городских стражников. Заметив посетителей, стражники оживились и закричали, требуя подойти ближе.

— Дядя Туган! — вдруг завопил Метта и, хромя, устремился вперед, к одному из стражей.

— Метта! — воскликнул тот. — Вот так встреча! Как твой отец?

— Отец... уехал к родне лечиться. У него же были сломаны обе руки...

— Помню, помню! Ну иди сюда, обниму!

Среди стражников оказалось много сослуживцев Туоли. Метта радостно здоровался со старыми знакомыми.

— Хвала матери Тарэн, ты жив, — радовался десятник Туган. — С тех пор как вы с отцом пропали, уж зима прошла! Мы и не чаяли тебя увидеть снова... А это кто с тобой?

— Добрые люди из-под Яргары, — ответил Метта, вспомнив придуманную Хастой легенду. — Я у них проводником. Это тетушка Хаста, она обо мне забо-

тится. А этот парень, он сын ее, охотник, — хотел наняться в храмовую стражу, да, видно, уже не надо...

Все взгляды устремились на Анила.

— Благо вам, доблестные воины! — Хаства поспешно выступил вперед. — Да благословит вас мать Тарэн! Мой старший сын — вот этот славный парень — наделен богами силой и удачью. Да вот беда — с детства глухонемой. Однако Северный храм славился как место, где лечат самые разные хвори. Мы надеялись, что его здесь исцелят и возьмут в стражу. Ну а если нет — так послужит жрецам трудником...

— Мерзким колдунам! — сплюнул Туган. — Сколько лет они наводили на нас свои гнусные чары! А мыто еще и служили им...

— О чем будем вечно просить прощения у отца Сола и матери Тарэн! — благочестиво ввернул другой стражник.

— Да как воспротивишься такому страшному мороку? — воздел руки Туган. — Хорошо, что явился спаситель наш, заступник, праведный певец Зарни — и развеял чары!

— И мы увидели истинное обличье луковых жрецов, — подхватил благочестивый, — и тех, кому они служат — чудовищным ящерам-арьям...

— Ящерам? — озадаченно повторил Хаства. — Мыто — ох! — люди простые, живем в лесу, ничего такого не слышали. Думали, арьи — такие же люди, как мы... а тут вон оно как! Я сама когда-то была служанкой в знатном доме и не видела в господах ничего такого уж страшного...

— Ничего-то ты не знаешь, тетушка, — вздохнул Туган. — Арьи, оказывается, вообще не люди. Поверь, мы всё увидели своими глазами. Когда святой певец

ЧАСТЬ 1. ПРОПАВШАЯ БАШНЯ

заиграл на гусях и развеял чары, арьи, стоявшие в толпе, явили свой истинный облик...

Тугана передернуло от отвращения. Прочие стражники взволнованно заговорили наперебой:

— Головы как у змей!

— Чешуя!

— Сзади хвосты!

— А на лапах — во-от такенные когти!

— Да вы что! — Хаста оглядел скелеты повешенных. — А с виду — обычные мертвяки...

— Это потому, тетушка, что ты не слышала песни, разрушающей чары, — снисходительно сказал благочестивый. — А мы, как увидели их, сперва напугались до смерти. Народ чуть друг друга не передавил, убегая! Зато после опомнился — да и поднял гадов на копьё!

— А жрецов? — Хаста невольно бросил взгляд в сторону исчезнувшего храма.

— И жрецов... Они сперва пытались людей стыдить, потом карами грозили. А как начали их хватать и на воротах вешать рядом с змеелюдами, живо побежали к себе, под защиту стен.

— Прямо сказать, не много и добежало, хе-хе...

— Бóльшая-то часть луковых вон там лежит.

Туган указал на трясину с торчащими из нее обломками стен.

— Но хоть кто-то добежал? — спросил Метта. — Там ведь и в самом храме народу наверняка немало было!

Туган взлохматил ему волосы:

— Конечно, кто-то унес ноги. Там жрецов-то — чуть ли не с целый городок! Заперли было ворота — но люди к тому времени так завелись, что вынесли створки с разбегу, не щадя собственных жизней.